

ОТЕЧЕСТВО

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЗЕМЛЕ ГОГОЛЯ

ХОРОША Полтава осенью. Желтые листья падают с яблонь и усыпают сады, придорожные тропы, парки и улицы. Ими бывают усыпаны предместья, склон холма, на котором видны стены Крестовоздвиженского монастыря, овраг за поворотом улицы, на которой полтора века назад стояло поветовое училище и где Никоша Гоголь слушал свист линейки и голоса учителей, преподносивших ему первые уроки грамоты.

О Гоголе напоминает все здесь — и изобилие этой земли, и дали за Ворсклой, и белые домики в тени деревьев, и тишина на месте старой «фортеции», где под сенью тополей приютилась церковка Спаса Нерукотворного Образа, в которой Петр I отслужил молебен после полтавского сражения. Мимо нее ходил в училище будущий творец «Ревизора».

Полтава была первым большим городом, который увидел и в котором жил Гоголь. Через Полтаву он направлялся в родную Васильевку, когда ехал на каникулы, через нее уезжал в Москву и Петербург. Здесь, на центральной, тогда называвшейся Круглой, площади отмечал в доме полицмейстера свои подорожные.

Площадь эта сохранилась. Посреди нее высится столп победы, на вершине которого орел, держащий в когтях перуны, смотрит в сторону полтавского поля. Он смотрит туда, где «воины благочестивые за благочестие кровию венчавшиеся» (как высечено на их могилах) перелистнули очередную главу русской истории.

Мимо знаменитого поля бежит нитка асфальта. Дорога то плавно уходит вниз, то взмывает на небольшую возвышенность; простор по обе стороны ее ограничен — поля упираются в леса, ряды деревьев разрезают поля на ровные части, и что-то темнеется у горизонта, что-то незаметно переходящее в синь неба.

Там — Диканька.

Диканька — крестная Гоголя. И по сей день стоит тут в нерушимости церковь Николая Диканьского, родовая церковь Кочубеев, стоит на отлете от села, но в соседстве с высокой звонницей.

ИЗ ДИКАНЬКИ прямой путь в Васильевку — через бывшие владения Кочубеев, через степь и балки, мимо деревенек, сгрудившихся вокруг небольших ставков (так здесь называют пруды), через высокую речку Говтву. Васильевка, ныне Гоголево, — бывшее имение отца, где сын его прожил с перерывами одиннадцать лет жизни.

Время не пощадило эти места. Там, где стоял дом, располагались службы, домик бабушки, парк, теперь все по-другому. Новые посадки, заменившие сожженные в войну старые, одиноко разбросаны среди пустующей земли. Нет церкви, которую строили дед и отец Гоголя. Эти места называли Яновщиной — по второй фамилии Гоголей — Яновские. А до этого село называлось хутором Купчинским. Позднее, когда в права владения вошел отец Гоголя Василий Афа-

насьевич, его стали называть Васильевкой.

П. Кулиш — первый биограф Гоголя в 1855 году писал жене: «Сегодня ездил с Трушковским в Данилов монастырь. Дорогою он объявил мне, что Гоголь завещал перевезти его тело в Васильевку». Поясню для читателя, что Трушковский — племянник Гоголя и издатель его сочинений, а Данилов монастырь в Москве — место, где был похоронен Гоголь и где до 1931 года находилась его могила (в 1931 году она была перенесена на кладбище Новодевичьего монастыря).

Когда П. Кулиш писал эти строки, еще свежа была память о последних днях и смерти Гоголя. О желании Гоголя быть похороненным в Васильевке, Николай Трушковский мог слышать и из уст самого Гоголя.

Гоголь никогда не забывал мест своего детства. Он возвращался к ним мысленно, возвращался и сам — не раз его бричка или коляска останавливалась у крыльца дома в Васильевке, где жили его мать и сестры. Сначала он наезжал сюда студентом, затем автором «Вечеров на хуторе близ Диканьки», потом «Миргорода» и «Арабески» и, наконец, просто Гоголем.

«Я думаю, все переменялось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам родины», — писал Гоголь матери в 1825 году. Те же слова он мог бы повторить и в конце жизни. Как бы прощаясь с Васильевкой, он приехал сюда в последний раз весной 1851 года. В его портфеле лежал почти готовый второй том «Мертвых душ». Рассказывают, что Гоголь привез с собой не один экземпляр рукописи, а два, и один — набело переписанный — закопал где-то недалеко от дома.

В эту историю верят и по сей день на родине Гоголя.

Кончина Гоголя породила много легенд. Земляки Гоголя не хотели верить, что он умер. Приехавшему летом 1852 года навестить мать Гоголя С. П. Шевыреву рассказывали, что Гоголь уехал за границу и вернется.

ПРОЛЕГЛИ по земле Гоголя асфальтовые дороги, все меньше хаток с нахлобученными на очи-оконца соломенными крышами, с высокими трубами печей и тонконогими журавлями колодцев (еще десять лет назад их было множество), но нет-нет и удивит она современного человека. Еще находят в разных местах Полтавщины зарытые в землю золотые червонцы, какие-то подземные ходы открываются в ней — вся Полтава изрыта такими ходами-«минами». Начало одного такого хода, засыпанного строительством, я видел в Диканьке — в нем спасались христиане во времена нашествия Орды. Есть и «заколдованные места», туда не ходили по грибы и по ягоды, там змеи играли змеиные свадьбы и о чем-то таинственно шептались лес.

К такому месту в принадлежавшем когда-то Гоголям урочище Стенка мы подъехали вечером. Уже слабо угадывалась раскинувшаяся внизу даль

(Стенка стоит на возвышенности), одинокое дерево посреди луга, лента реки. Поплыли сумерки, холодом повеяло из чащи, стало смутно на душе, тревожно, захотелось побыстрее к огню, к жилью.

Стенка — это лес; на самой вершине холма, покрытого лесом, есть поляна. Ее здесь называют «гоголевским шпилем». Отсюда, как сказал бы Гоголь, «видно во все концы света».

Таинственность и простор. Непроницаемая глубина лесов, загадочный блеск тихих речек, разбросанность тут и там деревьев, и неоглядное глазом пространство — вот что такое земля Гоголя. Она подле тебя, и она далеко от тебя, она вся здесь, и она теряется в бесконечности. Бесконечность всасывает, втягивает — хочется не парить над нею взглядом, а летать, летать, как летала в снах душа Катерины в «Страшной мести».

Так и подмывало сорваться с края высокого берега над Псьом в Яресках и раскрыть крылья.

Псел с высоты кажется растекшимся по земле серебром. И так же серебряно, матово отливают по берегам его чистые пески, и склоняют над ним ветви ивы, отражаясь в зеркале воды, и есть какая-то завороченность в его мерности и спокойствии.

От старых Яресек остался один парк. Стоит в нем дуб, будто бы посаженный Гоголем. Нет ни дома, ни следов усадьбы Д. П. Трошинского. Именно здесь провела свое детство мать Гоголя. Здесь, на берегу Псла, гуляла она с ее будущим женихом, Василием Афанасьевичем Гоголем, сюда слал он гонцов с любовными посланиями к юной Машеньке Косаровской.

Земля Гоголя — это не только Васильевка и Диканька. Это и Ярески, и Великая Обуховка, родина В. В. Капниста, и Кибинцы под Миргородом, где проживал на покое экс-министр и родственник Гоголей Д. П. Трошинский, и сама Полтава.

В Яресках Гоголь подолгу гостил у двоюродной бабушки своей А. М. Трошинской. В Кибинцах он пользовался библиотекой Трошинского, смотрел пьесы, которые игрались на домашнем театре. Среди них были и «Недоросль» Д. Фонвизина, и «Ябеда» В. Капниста, и пьесы отца Гоголя. Играли в этих пьесах и его родители, и сам автор «Ябеды». С Капнистами Гоголи дружили. В их доме, стоявшем на склоне обрывистого берега Псла, находили приют и любовь. Миром и тишиною веяло от этого обиталища «обуховского Горация», как называли В. В. Капниста.

От дома Капниста в Обуховке не осталось и следа. Даже фундамент вырыт и увезен куда-то. Могила поэта затерялась в кустах. Плиту с нее сняли и отнесли в другое место. Там же соорудили некое подобие обелиска.

Летом 1979 года ЦК КП и Совет Министров Украины приняли постановление о создании в селе Гоголево музея-заповедника Гоголя. Музей-заповедник охватит территорию бывшей усадьбы Гоголей, в мемориальную зону войдут и Сорочинцы, и Миргород, и Диканька, и Полтава.

Постановление предусматривает полное восстановление мест, связанных с Гоголем, в том виде, в каком они были при Гоголе. Это чрезвычайно важно, то есть, сама идея музея-заповедника предполагает, что отныне эти места превратятся в заповедные, не доступные перестройке, переделке или какому-нибудь переименованию. Их возьмет под свою охрану государство.

Невольно волнуешься, когда читаешь это постановление: теперь вместе с Михайловским Пушкина, Ясной Поляной Толстого у нас будет и Васильевка Гоголя.

Но времени осталось немного — надо спешить. Все работы должны быть закончены к 1 апреля 1984 года — 175-летию со дня рождения Гоголя.

Я читал проект реставрации дома-музея и план экспозиции, разработанный группой полтавских художников во главе с В. Н. Батуриным. Они исполнены вкуса и знания дела. Но предстоит большие работы по восстановлению комплекса строений и мест, связанных с жизнью и творчеством великого писателя. При этом важно учитывать мнения историков и литературоведов.

Есть пример любовной заботы о Гоголе — сорочинский музей Гоголя. Он построен на месте, где родился Гоголь. В чистых, затененных зеленой деревомнатах все устроено так, чтоб посетитель хоть на несколько мгновений побыл наедине с Гоголем. За окнами плещется Псел, недалеко возносит вверх свои купола Спасо-Преображенская церковь. В ней крестили Гоголя. Церковь реставрируется. Еще не сняты леса — художники восстанавливают лепку, еще пусты проемы в огромном резном иконостасе (картины увезли в Киев на обновление), но вся она стоит прихорошившаяся и помолодевшая.

Десять лет назад сотрудник музея в Сорочинцах Г. С. Брайко показывал мне прижизненные издания сочинений Гоголя. Он покупал их за большие деньги у московских и ленинградских букинистов. Деньги давали многие организации. Сейчас здесь бесценная коллекция книг Гоголя.

В полтавском краеведческом музее была до войны комната Гоголя. Но музей эвакуировался, экспонаты и вещи пропали. Где-то они лежат, и я уверен, что, прослышав о создании на родине Гоголя музея-заповедника, владельцы их захотят вернуть Гоголю то, что ему по праву принадлежит.

Имя Гоголя, творения Гоголя, земля Гоголя для нас священные. Минует время, многое уйдет в прошлое, а Гоголь останется. Останется как гордость Отечества, честь Отечества и его слава.

Отдавая Гоголю должное, восстанавливая то, что связано с ним, мы делаем дело историческое, которое нужно не на день, не на два, а на долгие столетия и навечно — так в вечность войдет и наша сегодняшняя память о нем.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ.